

ГАЛЛИПОЛИ 1920-1950 гг.

къ ТРИДЦАТИЛѢТНЮ ВЫСАДКИ 1-го АРМЕЙСКАГО КОРПУСА ВЪ ГАЛЛИПОЛИ.

ИЗДАНИЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА ГАЛЛИПОЛИНЦЕВЪ.

Подъ редакціей шт. кап. В. ПОЛЯНСКАГО.

П Р И К А З Ъ

Русскому Обще-Воинскому Союзу № 30

Бросессь. 22 ноября 1950 года.

Тридцать лѣтъ тому назадъ Русская Армія, героически борючися на югъ Россіи въ теченіе трехъ лѣтъ противъ поработителей нашей Родины, вынуждена была подъ напоромъ превосходнаго численнаго противника оставить предѣлы Родной Земли. 9/22 ноября 1920 года Русскіе воины высадились на пустынныхъ, негостеприимныхъ берегахъ Галлиполійскаго полуострова.

Въ своемъ приказѣ передъ эвакуаціей Главномандующій Арміи, Генералъ ВРАНГЕЛЬ писалъ:

«Дальнѣйшіе пути наши полны неизвѣстности. Другой земли, кромѣ Крыма, у насъ нѣтъ. Нѣтъ и государственной казны.

«Да испрошаетъ Господь всѣмъ силы и разумъ одолѣть и пережить русское лихолѣіе».

Казалось, съ исходомъ Арміи изъ предѣловъ Россіи все кончено... Но это только казалосьсь...

Свершилось чудо. И день, казалось бы, гибели Арміи, роспуска которой требовали и союзники, и многіе русскіе политическіе дѣятели, сталъ днемъ ея ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Героическая БОРЬБА Генерала ВРАНГЕЛЯ противъ союзниковъ на Босфорѣ за сохраненіе Арміи, энергичное, твердое РУКОВОДСТВО ея остатками Генерала КУТЕПОВА на Галлиполи, НЕСЛОМЛЕННЫЙ ДУХЪ чиновъ Арміи, несмотря на трехлѣтнюю, кровавую борьбу противъ численно превосходныхъ силъ противника и оставленіе Родной Земли, и БЕЗГРАНИЧНАЯ, ЖЕРТВЕННАЯ ПРЕДАННОСТЬ ИХЪ РОССІИ — одолѣли всѣ препятствія. Въ тяжелыхъ условияхъ полудекадскаго существованія, при полной неизвѣстности своего будущаго Русскіе Воины закалялись и крѣпко спаялись въ прочную воинскую семью — ГАЛЛИПОЛИЦЕВЪ, сохранившую въ теченіе 30 лѣтъ изгнанія свою крѣпкую спайку, единство и не-

примиримость къ поработителямъ нашей Родины, памятуя, что только смерть можетъ освободить насъ отъ исполненія долга передъ РОССІЕЙ, и явившуюся потомъ основой Русскаго Обще-Воинскаго Союза, хранителя традицій Россійской ИМПЕРАТОРСКОЙ и БѢЛЫХЪ Армій и кадра будущихъ русскихъ національных формированій.

Въ этомъ историческая заслуга Галлиполи и Галлиполицевъ и правъ заслугъ Генералъ КУТЕПОВЪ, сказавъ въ послѣднемъ своемъ на Галлиполи приказѣ: «Глубоко убѣжден, что наступитъ время, когда каждый изъ насъ у себя на Родинѣ будетъ съ гордостью говорить: я былъ на Галлиполи».

Не сомнѣваюсь, что Галлиполины и впредь сохранятъ высокія свои качества и, вѣрные вѣстамъ нашихъ Вождей, ГОТОВНОСТЬ ВОЗВОЗНОВИТЬ НИЧЕГО НЕ ИЩА ДЛЯ СЕБЯ, нашу БѢлую Борьбу, начатую еще на просторахъ РОССІИ и возобновленную потомъ, во время 2-й мировой въ лины, подъ именемъ «Освободительнаго Движенія».

Въ этой борьбѣ Галлиполины будутъ не одиноки: съ ними будутъ и другіе БѢлые Воины, борючися на другихъ фронтахъ и не прошедше Галлиполійской страды, съ ними будутъ и Воины Освободительнаго Движенія. Съ ними душой будетъ и Русскій Народъ, на долгомъ опытѣ познавшій гнетъ и ложь Совѣтской власти.

Да поможетъ же намъ БОГЪ не только исполнить завѣтъ Генерала ВРАНГЕЛЯ — «одолѣть и пережить русское лихолѣіе», — но и, перенеся на Родину «свѣточъ», зажженныхъ нашими Вождями на югъ Россіи, довершить на родной землѣ тѣло освобожденія РОССІИ и тѣмъ исполнить нашъ долгъ до конца.

Ген.-Лейт. Архангельскій.

Мало кому известно, что съ Галлиполи и съ Галлиполійскимъ Обществомъ связана большая литература. Кромѣ книгъ и статей въ сборникахъ, журналахъ и газетахъ, выпускались галлиполійскіе періодическіе журналы, среди которыхъ первое мѣсто занимать

Галлиполійскій Вѣстникъ, и Информационные бюллетени во многихъ странахъ нашего разсѣланія.

Выпускъ Главнаго Правленія О-ва Галлиполійцевъ дѣлаетъ первый шагъ къ возобновленію этой стороны дѣятельности Общества.

Не только воспоминанія о прошломъ связываютъ галлиполійцевъ воедино — передъ ними настоятельно ставятся къ разрѣшенію и всѣ современныя проблемы жизни. Конечно, среди общей періодической печати галлиполійцы находятъ изданія наиболѣе имъ близкія по духу, и мы имѣемъ постоянныя доказательства тому, что они умѣютъ оказывать существенную дружескую поддержку ти-

кимъ органамъ печати — но свой галлиполійскій журналъ могъ бы ближе и подробнѣе отзываться на нѣкоторыя темы. Обстоятельства пока не позволяютъ осуществить эту насущную необходимость въ особомъ печатномъ изданіи.

Памятка, выпускаемая къ 30-лѣтію высадки 1-го Армейскаго Корпуса въ Галлиполи, оказалась столь ограниченнымъ размахомъ, что у насъ остается неопечатаннымъ рядъ статей, въ частности статьи ген. А. М. Дрогомырова, полк. Боздрлицева, С. А. Волова, кап. Григуля, В. Ф. Зеллера, Б. К. Зайцева, пор. В. А. Лазаревского, шт.-кап. В. Поляскаго, полк. С. Н. Ряснирскаго, полк. В. А. Праисовскаго, полк. Горбача, изъ цѣлнато же дѣяніи кап. Г. Орлова взята лишь вѣкторіалъ часть.

Если моральный и матеріальный усилѣтъ выпускаемой нами памятки не обманетъ ожиданій, мы предлагаемъ продолжать изданіе отдѣльными выпусками.

Тридцать лѣтъ

О, Русь, великъ твоящій день,
Веселенскій ты и православыи.
Тютчевъ.

Высадка въ Галлиполи... «Чудо Галлиполи». Общество Галлиполійцевъ. Разсѣланіе по всему землю шару..

Въ этотъ день, памятный и печальный — тридцать лѣтъ безъ Родины, тридцать лѣтъ разочарованій — идо въсьмъ Галлиполійцамъ «въ разсѣланіи сушимъ» свой искренній привѣтъ.

Вѣрю въ торжество духа и правды.

Вѣрю въ воскресеніе Россіи. А мы, Ея зарубежныя воины, исполнимъ нашу долгъ до воина.

Наше единеніе показываетъ намъ вѣли и бодрости духа.

Да поможетъ намъ Госпъ дъ продолжить начатое на Россійскихъ поляхъ служеніе Родинѣ и увидѣть день Ея возрожденія.

Парижъ.

Генераль-Майоръ Буровъ.

**

Черный крестъ «Галлиполи» связующее звено. Онъ будитъ въ насъ воспоминанія и зовъ къ будущему.

Пусть въ этотъ день наши сердца затопятся той же вѣрой, которая свѣтила намъ на уже пройденномъ пути служенія нашей Родинѣ.

Вѣрные той духовной спайкѣ, что создавалась въ бояхъ и закрѣпилась въ Галлиполи — символъ Бѣлой борьбы на всѣхъ Россійскихъ фронтахъ, мы не должны, не имѣемъ права быть обывателями и быть захлестными повседневностью.

Моральный контроль надъ собою, моральная поддержка сосѣду. Самовоспитаніе, совершенствованіе, организованность. Быть готовыми — всѣ пригодятся, всѣмъ найдется работа.

Приказомъ Начальника РОВС-а за № 1611 возсоздано, впрелдъ до возможности произвести выборы. Врем. Главн. Правленіе Общества Галлиполійцевъ подъ предсѣдательствомъ Ген. Штаба генераль-майора Бурава при секретарѣ капитанѣ Бобченко. Члены Правленія: полк. Левашовъ, полк. Ряснянскій, полк. Горбачъ, кап. Григуля, кап. Орѣховъ и кап. Поляскій.

Въ такое время существуютъ отдѣлы Общества — во Франціи и Бельгіи, Отдѣленія — в Аргентинѣ, Калифорніи, Келдербергѣ, налажена связь и принимаются мѣры къ объединенію Австраліи, Сѣв. Америка, Англія, Марокко, Швейцарія и Бразилія.

Вѣрю, что Галлиполійцы, не связавшіеся еще съ обществомъ, найдутъ пути для возобновленія этой связи.

Капитанъ Бобченко.

ПРОШЛОЕ

Въ насъ духъ отновь-богатырей
И дѣло наше правъ.
Сумѣемъ честь мы отстаивать
Иль умереть со славою!

15-го ноября 1920 года Русская армия генерала Врангеля покинула Россию. За нею осталась **шесть** дѣтъ войны Мировой и Гражданской.

О томъ, чтъ предстояло ей впереди, неслышающе говорить послѣтъ приказъ Главнокомандующаго, отпавши на Русской землѣ: «Дальнѣйшіе пути наши полны неизвѣстности. Другой земли, кромѣ Крыма, у насъ нѣтъ...»

22-го ноября, для частей 1-го армейскаго корпуса, «другой землей» временно стало Галлиполи!

Въ эти страдные дни я быть далеко отъ родной мѣи арміи. Въ концѣ мая, вызванный Главнокомандующимъ въ Джанкой, я получилъ приказъ «справиться въ Берлинъ и смѣнить тамъ представителя арміи полковника Брандта. Когда, послѣ долгихъ мытарствъ съ визами, проѣхавъ шесть государственныхъ границъ съ двѣнадцатью таможенями, которыми тогда были и часты, и приличивы, я къ концу іюля прибыть въ Берлинъ — полковникъ Брандтъ уже быть смѣненъ присланнымъ изъ Парижа генераломъ Хольмсеномъ. Я получилъ приказъ Главнокомандующаго выѣхать въ Копенгагенъ, гдѣ временно замѣнить вызваннаго въ Сенатополь генерала Поточкаго.

Изъ Крыма вѣсти доходили рѣдко и были нерадостны.

Однакъ, мы рѣшили день основанія Добровольческой Арміи отмѣтить возможно парадомъ и начали съ торжественнаго богослуженія въ русской церкви, на которое пригласили представителей всѣхъ тогдашнихъ союзниковъ.

Старая, еще Императорскихъ временъ, русская церковь въ столицѣ Даніи въ этотъ день была переполнена. Впереди всѣхъ видна была изящная и совсѣмъ не старѣющаяся фигурка Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, которая такъ до своей кончины и не покидала Копенгагена. За нею представители «союзниковъ». Служба была длительная и бѣдный французскій дипломатъ съ видимымъ отчаяніемъ выполнялъ свои «союзническіе обязательства» и честно выстоялъ всю непривычную ему службу.

Настроение было праздничное, и уже можно было отмѣтить безпокойство о судьбѣ нашей арміи, которое проявляли французы. До

нихъ уже, повидимому, кое-какія вѣсти докатились.

Немного позже докатились эти вѣсти и до насъ... съ каждаымъ днемъ для нашей русской колоніи все яснѣе и яснѣе становилось, что съ арміей въ Крыму произошла катастрофа... Но подробностей никакихъ не было, и только телеграмма, присланная покинувшимъ вмѣстѣ съ арміей Крымъ генераломъ Потонкимъ — его женѣ — окончательно убѣдила насъ въ томъ, что **блага** фронта на Югѣ Россіи уже **нѣтъ**...

Въ остальномъ — полная неизвѣстность... Мѣстная власть еще ровно ничего не знала. Союзники, ранѣе любезные и предупредительные, стали говорить холодно и невразумительно. Почва, и до того уже достаточно зыбкая, просто уходила изъ подъ ногъ. Мой «сосѣдь», генераль Хольмсенъ въ Берлинѣ, зналъ не больше меня... **Кого** мы съ нимъ представляли, **этѣ имени кого** должны были говорить, защитная интересы русскихъ военныихъ, и тогда уже въ большомъ количествѣ находившихся въ Западной Европѣ, было неизвѣстно. Армія, которая однимъ своимъ присутствіемъ въ Крыму давала намъ твердую опору, находилась неизвѣстно гдѣ... Сдуховъ было зато безъ конца и притомъ одинъ другого хуже и одинъ другого грознѣе...

А тамъ, на другомъ кѣнѣ Европы, развивалась драма высидившейся на Галлиполи арміи... Отчаянной энергіей Главнокомандующаго велась неравная борьба противъ «союзниковъ» на Босфорѣ. Упорной волей генерала Кутепова создавалось то «Галлиполи», о которомъ теперь мы знаемъ такъ много. Солдаты и офицеры переживали тяжкій переломъ, немного отходили отъ напряженій послѣднихъ лѣтъ и въ своей вѣрѣ въ генераловъ Врангеля и Кутепова находили опору, чтобы такъ или иначе приспособиться къ тяжелой обстановкѣ и **несмотря** на ея трудности **возсоздать** армію...

Въ тѣ дни, вѣроятно, никто изъ чиновъ арміи не вспомнилъ о насъ, представителяхъ ея, находившихся въ разныхъ странахъ Европы, не могъ подумать, въ какой степени на насъ отразились переживанія ихъ въ лагеряхъ Галлиполи! Только генераль Врангель, давая намъ тѣ или иныя порученія и отдавая намъ

триказы для переговоров с «загранницей». Все время напоминать намъ, что армія существуетъ.

Съ напряженнымъ волнениемъ слѣдили мы за всѣми переѣздами въ жизни арміи и старались использовать ея успѣхи для проветрія нашей заграничной работы. Переѣзды эти явно отъмѣчались въ отношеніяхъ къ намъ иностранцевъ, хотя и сопротивлявшихся возрожденію арміи, но съ видимымъ уваженіемъ относившихся къ ея упору и борьбѣ за свое существованіе: сначала отъмѣченное русской печатью (иногда «раждебной») возстановленіе рядовъ арміи въ Галлиполи, гдѣ «Галлиполійцамъ» стала вѣсь 1-й армейской корпусъ, потомъ расселеніе частей въ славянскіе стра-

нахъ и въ Венгрію (въ послѣдней и принимая уже непосредственное участіе въ качествѣ представителя Главнокомандующаго въ Будапештѣ), а потомъ при созданіи Русскаго Обще-Воинскаго союза.

Мужественное угрѣство Галлиполійцевъ, а потомъ и переживание частей арміи въ Болгаріи, было единственной основой успѣха или неуспѣха нашей работы въ арміи... объ этомъ, конечно, не знали наши Галлиполійцы въ тѣ дни, когда стрѣли свой лагерь на негостеприимно встрѣтившемъ ихъ полуостровѣ. Но мы го знали и страдали вмѣстѣ съ ними... и восхищались ихъ вѣрностью Родинѣ!

Наружъ.

Генераль-майоръ А. фонъ-Лампе.

Лампада Галлиполи

Галлиполи — это «безполезная» романтика. Изъ него ничего не вышло, потому что и не могло выйти. Это — только названная купеческая игра въ солдатики. Это — слѣдствіе старорежимныхъ дѣтей, не понимавшихъ, что старая Россія безвозвратно кончилась, и все галлиполійское «дѣйство» — только одна изъ предсмертныхъ ея конвульсій.

Такъ разужаютъ люди «трезвые», «реалисты», «умные». Никто не будетъ отрывать ни ума, ни широты исторической эрудиціи у Милюкова. А маленькимъ милюковымъ — «имъ и счету нѣтъ!» Но это одинъ изъ типовъ ума, умъ рационалистическій, умъ ограниченный, самъ себя ограничивающій и оскотпяющій. Но силъ имъ можетъ быть очень большіе, первоклассныя. Но эта сила не мѣняетъ ея качества. Она качественно ограничена. Она оперируетъ только логическимъ, арифметическимъ разсужкомъ. Она дальше не позволяетъ себѣ двинуться ни на шагъ. Она — зрячий только у себя подъ носомъ. Но кромѣ этого «малаго ума» у человека есть «большой умъ», есть интуитивное, инстинктивное, даже неподсчитанное знаніе.

Подлая истина открывается человеку, онако, не отнимъ только умомъ, хотя бы и «большимъ», а умомъ въ соединеніи съ другимъ, тоже гениальнымъ способноязычн. Вѣрнѣе сказать — открываемаи нашей природою. Человѣкъ «даренъ» еще критеріемъ добра и критеріемъ красоты. Вотъ когда умственная, теоре-

гическая истина пройдетъ черезъ фильтръ совѣсти, черезъ фильтръ моральной оцѣнки, да еще съ прибавкой оцѣнки эстетической, т. е. черезъ чувство красоты, тогда только она становится для живого человѣка полною, живою истиной, переживаемой умомъ, чувствомъ и волей. У простыхъ, не умствующихъ людей оно всегда такъ и бываетъ.

Но наша школьная монополично-теоретическая культура выдѣлываетъ изъ насъ какихъ то автоматовъ оцѣнокъ логическихъ умственныхъ вычисленій. Какъ въ счетной машинѣ: стукнула автоматъ, повернулся рычагъ, смотри на итогъ и подчиняйся ему безпрекословно. Тутъ нѣтъ мѣста ни чувству, ни воли. Вамъ противень полученный результатъ. Отъ него, какъ говорится, «съ души преть». Совѣсть, чувство протестуютъ. Но инквизитуръ «умниковъ» васъ насидуетъ. Требуется признаніе, будто бы абсолютно обязательнаго. У васъ на шеѣ логическій арканъ. Васъ тянутъ, какъ бычка на веревочкѣ. Но... съ нами крестная сила! Слушайте свою совѣсть, и не подчиняйтесь. Въ ней голосъ Божій, въ ней открывающее полною истину, а не полустину.

Позволимъ себѣ дерзъ вѣнное, максималистическое сопоставленіе. Что могутъ сказать «трезвые реалисты» умники и оправданіе годгофской гибели Святыишаго Учителя? Ничего, кромѣ сожалѣнія о безполезной гибели невинаго Сиралавца. А что сказало о ней

сердце всего человечества? Не говорим уже о Божественном Откровении.

Так склепны сердцем оказываются скопцами и умою, которому они, как идолу, монополично поклоняются.

Итак, — толой утилитарную оценку Галлиполи, как и всего благо подвижничья, как и всей русской истории! Рационалистам-умникам все высокое и прекрасное в нашей истории кажется безудельным и даже вредным фантазерством, напрасной расстройкой партияных сил на борьбу с призраками. Напрасно и князья-крестители связали нас с восточной, а не с западной церковью, создали Гьмь изурядительную тысячелетнюю борьбу с западными народами и лишили нас блага общей европейской цивилизации. Напрасно мы воображали себя Москвой — Третьим Римом, возмечтали о кресте на Св. Софии и тонких чешских дили кровь за освобождение каких-то православных братушек, еще более допихотски спасали троны и алтари в Европѣ во имя священной союза и т. д. Да и все величие империи, построенной от Печенги до Владивостока, некупает ли всё воды и тощие животи не выткнутого из дашей мужика?. Так сь мѣркой «вечного горника сь кашей» вся наша история «купируется» мраком грѣховъ и преступлений и доветь къ покаянному поспяпанию пилломъ главы ея востославных творцовъ. Какой абсурд, какая безмѣрная глупость! Особенно постъ 10гѣ, какъ прославленная яко бы княгиня-Революция до конца раскрыла свой шляк, безобразно-демонический шляк.

Лишь теперь, при всей объективности и безпристрастности нашей критики дореволюционной России, мы непрерываемо видим всю слаженность, всю гармонию, все благообразие, всю правоту и красоту ея дика.

Надъ всеми грѣхами, муками и даже безобразиями возвышающееся и ихъ вѣнчающее общее «благообразие» — это не шуточное, не случайное «достижение». Это спидѣтельство и печать высшей, нравственной правды. Это квинтъ-эссенция лучшихъ помысловъ 40-50 поколѣній, построившихъ 1000-лѣтнюю Россию.

Галлиполи — лишь одинъ изъ послѣднихъ отблесковъ «благообразия» «всѣя России», лишь изъ послѣднихъ закатныхъ лучей великаго русскаго солнышка. Галлиполи — это была великая грусть и великій плачь русскаго сердца, какъ бы на похоронахъ родной матери. Но скорбь не мрачная, не отчаянная, а провидѣнная надеждой на вскрешение. Это было нравственное переживание, подобно плачу великой пятинны надъ плашанней, покаянному, испунительному и облегчающему совѣсть и душу.

Если брать сравнение изъ нашей священной

для русскаго сердца патристическ и литературя, то не раздражающей душу вой «Словъ о побѣдѣхъ земли русской» (разгромъ русскихъ татарамъ на рѣкѣ Сити въ 1216 г.), а «Словъ о поудку Игоревѣ» сь его свѣдѣмымъ кѣномъ освобожденія князя изъ плѣна можетъ соотвѣствовать «топу» Галлиполи.

Галлиполи дѣйское поле, покрытое палатками — было подобно библейскому пазнику Кушес, который символизировать и скорбь сорокалѣтняго странничества и вмѣстѣ благодарность Богу за избавление отъ рабства египетскаго. По своей военно-стратегической переданности все мобилизационное напряжение галлиполийской эпохи подобно какъ-то непредельмѣренной грандиозной постановкѣ мистерии небывалаго русскаго крестоваго похода. И тобно теургическому усилю воскресить смертельно раненую и чуть не заживо погребаемую Россию, особенно въ льные и сознательные, ибо наша — повторяю «священная» русская исторія уже обезсмертила и обезсмертитъ ихъ наряду сь жертвенными подвижниками Куликова поэта, Троишкѣ Лавры, Бородина, Севастополя, Ледяного похода... Эти свои творимыя легенды, эти свои священные и глубокие по содержанию шны народнаго историческаго сознания вынашивать въ себѣ и родить, не справляясь сь смердяковскими суждениями и издѣвательскими разношерстными поклонниковъ одной только осызаемой, матерьяльной «пользы».

Къ счастью, не одинъ человѣчскій умъ (въ отрывѣ отъ всей души только — «умшиски»), а вся плѣнная человѣчская природа, сь ея таинственной совѣстью, жаждущей добра и нравственной красоты, устанавливаетъ и формулируетъ въ сознани народномъ обязательныя для него цѣнности и святыни. И вотъ Галлиполи въ цѣпи другихъ немеркнущихъ символовъ русской истории пройдетъ безстрашно горнило искушения черезъ критерій добра и красоты и будетъ канонизовано вмѣстѣ сь творцами и страдальцами его навки.

А «польза»? Мы — не материалисты. Для насъ «польза» — цѣнность нравственная, духовная. И въ данномъ случаѣ — огромная. А именно: побѣда добра и красоты надъ великой ложью нашего времени. Надъ ложью пока еще преуспѣвающей, надъ ложью коммунистической революции. Въ ней (въ этой послѣдней) всякое добро, всякая красота, всякая совѣсть человѣчская охулены, осквернены и загнаны. Путемъ перовоспашия, ошеломляющей пропаганды, терроризирующей дисциплины, путемъ такъ наз. «перековки», умѣютъ перековывать людей въ пошлыхъ хамовъ или просто надломленныхъ, обезличенныхъ автоматовъ, повторяющихъ предписанную ложь. Ужь

если доводить до этого иерарховъ церкви (патрiархи Московскiй и Румынскiй), то что же говорить об остальныхъ?

И вотъ грязель (пока сокрытый отъ насъ, но неотвратимый) часъ страшнаго суда. Не данъ прагу Творца истребить челоуѣка и заложившiй въ челоуѣкъ образъ Божiй. Безсилень сатана съ его мелкими слугами перекозатъ добро въ зло... Сокрушится вышнее и внутреннее насилiе. Вещи встануть на свое мѣсто. Умы, сердца, души стануть самими собою, добро-добромъ и зло-зломъ. Свершится сама собою въ атмосферѣ свободы нормальная переоцѣнка цѣнностей. Подѣлки и фальшивки якобы руссiйскаго патриотизма съ «мерзевнiемъ» будутъ отброшены. Кошунственные красныя тряпки, натянутыя на князьяхъ, па-

ряхъ и полководнахъ русскихъ «спадуть ветхой чешуей». Псевдо-герои антихристовыхъ красныхъ знаменъ опустятся подъ грузами церковныхъ анафемъ въ низину отверженiя и причислятся ко всемъ «воровскимъ и разбойнымъ» «святымъ» русской исторiи: — къ татарамъ, Разиннымъ, Пугачевымъ. Никакой подпольной псевдо-героикiей этого страшнаго суда челоуѣческой совѣсти уже не переѣзжать. Голосъ совѣсти апеллируетъ не знаетъ.

И увидятъ русскiе люди вновь надъ собой священный куполь своей национальнiй исторiи съ его символами, иконами, ликами и свѣтильниками. И среди нихъ бѣлымъ свѣтомъ сияющую тихую лампаду Галлиполи.

Римъ.

А. Карташевъ.

ГЕНЕРАЛЪ
Александръ Павловичъ
КУТЕПОВЪ.

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА

Ровно тридцать пять тому назад, в сумрачный ноябрьский день, на рейде небольшого горака Галиполи, разрушенного недавним землетрясением и бомбардировкой союзного флота, вошло несколько кораблей. На корме этих кораблей развисялся русский трехцветный национальный флаг, а на перестеи маяк — флаг французский, в знак того, что корабли эти находились под покровительством Франции. Суда были наполнены какими то странными людьми, отъёмы в изодранное защитное обмундирование, с небритыми, грязными, исхудалыми лицами. Никот рые из них были вооружены винтовками, пистолетами или револьверами.

Немногочисленные жители города — турки и греки, с недоумением смотрели на пришельцев. В городе был расположен маленький французский гарнизон — батальон черкочиков.

От одного из кораблей отвалила лодка и из нея на берег высадились молодой, плотный генерал с черной бородой. Он был встречен командангом города французским подполковником, уже осведомленным о прибытии русских войск высшим союзным командованием в Константинополь.

Генералу дали верховую лошадь и вь в сопровождении французского офицера поехал осматривать место, предназначающееся для лагеря. Дорога шла по пустынным холмам, покрытым кое гдѣ колючим кустарником. Шель дождь. Глинистая почва, пропитанная влагой, хлопала под копытами лошадей, которая с трудом выгибали ноги.

Верстах в пяти от города открылась долина, вдоль которой протекала рѣчка, впадающая в Дарданельский пролив. В отдаленном от моря конце долины видѣлся полуразрушенный хутор с несколькими деревьями. На противоположном скате ея темнѣлъ мелкій кустарник. Это был все, что предложили союзники для размещения остатков Русской Армии генерала Врангеля, только что под натиском превосходных сил красных и после жестоких, упорных боев вынужденных покинуть послѣдній клочек родной земли.

Генерал Кутепов вернулся в город и приказал производить высадку — так начался тот период существования Бѣлой Армии, что связан с именем «Галиполи».

Прошло несколько месяцев, и вмѣсто голого поля правильными рядами раскинулся палаточный городок, а измученные люди в изорванном обмундировании превратились в подтянутых офицеров и солдат с воинской дисциплиной и выправкой.

Не только иностранцы, но и русская лѣвая

общественность не понимали, что давало этим, казалось, все потерявшим людям, силу къ упорному желанию сохранить свои воинские части и добровольно почитать суровыми испитливым и тяжелым условием существования.

А сила эта была в истинночном понимании того, что красной тумань, временно прекрывший Россию, долженъ разбиться, что прежде всего важно сохранить знамена, унесенные съ Родины, до лучших времен, что долженъ же быть миръ поиять, гдѣ правда, а гдѣ обманъ и ложь.

Прошло 30 долгихъ лѣтъ... Тридцать лѣтъ изгнания и тяжелого труда. Многие изъ тѣхъ, кто высадились тогда в Галиполи, нашли вѣчное упокоение и спятъ послѣднимъ сномъ на чужой землѣ, не дождавшемся исполнения своей заветной мечты. Другие успѣли состариться: ихъ силы порваны, но они все еще безропотно несутъ свой крестъ. Только нѣкоторымъ удалось завоевать себѣ на чужбинѣ обезпеченную жизнь. Народилось и новое поколение, воспринявшее духъ и вѣру своихъ отцовъ. И какова бы не была судьба галиполийцев, ясно, теперь ясно безъ всякаго сомнѣния, что путь ихъ былъ единственно правильнымъ.

Для мировой исторіи тридцать лѣтъ маленькой отрывокъ времени. Сколько за это время было совершенно ошибокъ людям, в рукахъ которыхъ были судьбы мира. Не нашлось среди нихъ тѣхъ гениальныхъ провидцевъ, которымъ дано заглянуть въ будущее. И миръ за это уже заплатилъ потоками крови и тяжкими страданиями. До сихъ поръ онъ бьется въ мучительныхъ судорогахъ, ища выхода изъ создавагося положенія. Но уже начинаютъ раскрываться глаза, спаласть пелена, мѣшавшая видѣть и съ ужасомъ и недоумениемъ люди познають всю ложь, низость, клевету, рабство, которая несетъ съ собой коммунизмъ.

Первенство на этомъ пути прозрѣнія принадлежитъ тѣмъ людямъ, которые тридцать лѣтъ тому назадъ, въ дни брешенные, высаживались на пустынномъ Галиполийскомъ берегу: они, вопреки всему окружающему, твердо знали свою правду. После общей борьбы бѣлыхъ воиновъ на всѣхъ фронтахъ — въ далекой Сибири, въ Архангельскѣ и Мурманскѣ, подъ Исковымъ и Петроградомъ — знамя чести и правды осѣнило Бѣлый Отрядъ, высадившийся в Галиполи: галиполийцы оказались его хранителями. Прозрѣвающей миръ объ нихъ не помнить, да они отъ него не жлуть ни награды, ни признанія. Лучшей ихъ наградой является вѣра в правоту своего дѣла и этой награды никто отъ нихъ не отниметъ.

Париж. Полковникъ С. Манылевъ.

„ПАМЯТНИКЪ“

Въ 1922 г., въ январь мѣсяцъ, оркестръ и хоръ Корниловскаго полка были вызваны въ Велико-Тырново для участія въ бѣльскомъ крещенскомъ парадѣ. Я управлялъ хоромъ.

Въ день праздника Крешенія Господня, послѣ литургіи, состоялся крестный ходъ на Янтру (горная рѣка, бурливая и никогда не замерзающая). Шествіе возглавлялъ Министръ Филиппъ. День выдался очень холодный, а потому мы довольно сильно промерзли и устали. Все же нашли силы вечеромъ въ этотъ день пропѣть въ болгарскомъ соборѣ всенощную и послѣ этого принять еще участіе въ концертномъ отбѣденіи на гарнизонномъ балу, состоявшемся въ помѣщеніи казармъ. Изъ-за концерта мы — пѣвчіе — пропустили ужинъ и, вернувшись, ничего не могли достать на кухни: спать пошли голодными.

На другой день утромъ мы должны были пѣть литургію въ томъ же соборѣ ровно въ 9 ч. утра.

Обычно, утренній кофе или чай (не помню) разладался въ 8 час. На этотъ же разъ произошло опозданіе по случаю бала наканунѣ. Въ это утро всѣ проспали, и чай во-время не былъ готовъ. Я ждалъ его тишею до половины девятаго и ушелъ въ церковь, приказавъ хору не опаздывать. Но пѣвчіе, голодные еще съ вечера, рѣшили дожидаться чая, и выдучили его безъ четверти девять. Проглотивъ наскоро полуженное, они бѣгомъ помчались въ церковь.

Я стѣялъ въ алтарѣ и видѣлъ, какъ за одну минуту до 9-ти часовъ въ церковь вошелъ генералъ Кутеповъ. Съ его приходомъ ровно въ 9 час. толпа была начата служба. Я видѣлъ своихъ пѣвчихъ занимающихся по дѣйствию на хоры и просилъ священнослужителей задержать начало службы хоть на одну минуту. Оказывается, пѣвчіе были бы на мѣстѣ во-время, если бы не постѣснялись на паперти храма обогнать генерала. А, между тѣмъ, генералъ вошелъ въ соборъ, обернулся на хоры — пѣвчихъ еще не было на мѣстѣ. «Переписать!» приказалъ онъ, и литургія началась ровно въ 9 и одна минута.

Послѣ службы генералъ спросилъ о причинѣ опозданія. Я изложилъ ему все, какъ случилось. Генералъ насочувствовалъ: «за мной, кому стѣдывать, не пропадетъ». — сказалъ, и для новизны службы посадилъ меня и еще четверыхъ солдатъ въ наивнѣ сукоты. Оркестръ и остальные пѣвчіе вечернимъ побѣдомъ въ этотъ же день благополучно отбыли во-свои-си, а мы — пять человѣкъ — остались въ Велико-Тырново.

Сидѣли мы не на гауптвахтѣ. — таковая не была еще налажена, — а оставались при комендантской писарской командѣ въ помѣщеніи штаба. И вотъ на другой день, случайно, на столѣикъ у сосѣда по кровати я замѣтилъ небольшой листокъ бумаги, опечатанный на машинкѣ. Читаю:

ПАМЯТНИКЪ.

На склонѣ широкомъ Галлиполи,
Гдѣ пѣшь убѣгаетъ холмовъ,
Чужою землею засыпали
Послѣднихъ російскихъ бойцовъ.

Рука же родная имъ сдѣлала,
Заснувшими невѣдомымъ сномъ,
Изъ камня и мрамора блага
Курганъ, — сѣненный крестомъ.

Не разъ передъ нимъ собиралися
И Богу моленья несли
Всѣ тѣ, кто на стражѣ остались
Знамень и Россійской земли.

Объявъ церковнымъ куреніемъ
Въ вѣнкахъ отъ розинныхъ частей,
Возвѣгиса онъ грознымъ вѣтніемъ
Для недруговъ русскихъ людей.

И сколько бы терній ни сыпали,
Мы будемъ тверды, какъ гранитъ...
Мы помнимъ, что тачь, у Галлиполи,
Нашъ Памятникъ гордый стоитъ.

Подписано: Давать.

Содержаніе этого стихотворенія меня очень взволновало и я просилъ хозяина этого листочка переписать его. А переписавъ, я уединился, и къ вечеру у меня была готова музыка на эти прочувственные слова.

Прочитавъ подъ арестомъ намъ пришлось всего лишь два дня, вмѣсто пяти. Новая необычайная причина способствовала с крашею срока.

Вернувшись въ полкъ, я немедленно приступилъ къ разучиванію новаго произведенія. Буквально съ первой сѣвкы весь составъ полка проявилъ необычайный интересъ къ новой пѣснѣ и у насъ всегда просили: «спойте Памятникъ».

Въ первый весенній праздникъ (не помню точно мѣсяца), кажется, изъ Пасевъ, къ намъ въ полкъ прѣѣзжалъ генералъ Кутеповъ. Въ лагерномъ театрѣ было устроено большое торжество. Я съ хоромъ тоже выступалъ съ «во-

вой пьесей». Полковники художниками была исполнена декорация: «Галлиполийский Памятник».

На сцене у «Памятника» стояли «Часовой» в полной служебной форме и поды аккомпанименту х ра исполняли свою партию. Вь роди часового были тогда шт.-кап. Бажановъ (онъ тоже со мною ситѣль въ Велико-Турново), шифъ поеть въ тѣскомъ хорѣ у Жарова). Прекраси овладѣвший своей ролью, онъ своимъ мягкимъ, сочнымъ и бархатно-ласковымъ голосомъ чудесно исполнилъ свое соло.

Впечатлѣніе получится потрясающее.

Когда опустелся занавѣсь и снова зазвучал на сцену век чадь виноподвижной, прѣбывавши съ генераломъ, офицеръ и со слезами на глазахъ сталъ благогартить меня, жать руки и обнимать — это былъ Даватинъ...

Генералъ Кутеповъ, увидѣвъ со стою командира полка исторію возникновенія музыки для «Памятника», былъ также раскороганъ до слезъ, битье меня и пообѣщать: «позволяю вернуть меня въ столь полезное удѣленіе»...

Капитанъ С. Игнатьевъ.

Стокгольмъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

Уже въ самые первые дни послѣ выгрузки, едва разставивъ палатки и размѣстившись въ нихъ, многіе принялись за изученіе иностранныхъ языкъ въ. Составлялись группы, находивсь для нихъ руководители. Офицеры, военноопредѣляющіеся изъ студентовъ и лица съ законченнымъ среднимъ образованіемъ составили кружки и одинъ изъ кружкѣ въ образованіи ко мнѣ съ просьбой и мочъ возстановить и пополнить знанія въ области математики и физики. Начались регулярныя занятія. Время стояло дождливое — конецъ ноября — собираться на воздухъ съ клочками бумаги и кусточками карандашей было невозможно, въ палаткахъ при скученности размѣщенія появленіе группъ изъ постороннихъ барачковъ не вызвало особаго радунія. Командиръ Дроздовской арт. бригады, шифъ полковникъ ген. М. И. Подзиковъ предложилъ для занятія ту часть занимаемой имъ небольшой палатки, которая была отведена поды канцелярію. Эти занятія продолжались вплоть до открытія въ лагерѣ высшихъ курсовъ. Наша группа оказалась въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ въ иныхъ частяхъ. Одинъ изъ моихъ слушателей кап. Осипъ получилъ изъ Бѣлграда отъ своего зяди солидные курсы по высшей математикѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

27-го ноября ст. ст. приказомъ былъ введенъ новый стиль въ Арміи.

27-го декабря у насъ состоялась первая широкая лекція по высшей математикѣ, которую читалъ младшій фейерверкеръ изъ военноопредѣляющихся (лѣтомъ 1921-го онъ былъ произведенъ въ подпоручики) проф. В. Х. Даватинъ; онъ состоялъ тогда во 2-ой батареѣ 6-го арт. дивизиона. Его первая лекція была посвящена развитію понятія «числѣ» и началу теории ансамблей, вторая теоремамъ Вейерштрасса, Лежандръ-Дирихлѣ, точкамъ ступенія и теории предѣловъ, послѣ чего онъ перешелъ къ техническому примѣненію математики. На эти

лекціи собиралось столько офицеровъ и военноопредѣляющихся въ нашей палаткѣ, что невозможно было пройти. Владимиръ Христіановичъ читалъ съ увлеченіемъ, а послѣ первой лекціи сознался, что онъ и самъ получилъ отъ нея громадное удовольствіе.

Въ связи съ прѣѣздомъ въ Галлиполи генерала Врангеля, котораго всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, состоялся въ лагерѣ 19-го дек. парадъ. Привожу здѣсь часть изъ его брашенія къ выстроившимся войскамъ:

«...Я приму всѣ мѣры и потребую, чтобы наше положеніе было улучшено. Мы имѣемъ право не просить, а требовать потому, что то дѣло, которое мы защищаемъ, было обшнимъ дѣломъ и имѣло мировое значеніе. Мы истекали кровью въ борьбѣ съ всеситеро и больше превосходившимъ насъ по численности врагемъ при гробовомъ молчаніи всего міра. Мы выподнили нашъ долгъ до конца, и не мы виноваты въ исходѣ этой борьбы. Виновенъ весь міръ, который смотрѣлъ на насъ и не помогъ намъ...»

21-го дек. прѣѣзжать въ лагерь изъ Константинополя князь Навель Дмитріевичъ Долгоруковъ. Онъ убѣждалъ болѣе крѣпкихъ духомъ поддерживать болѣе слабыхъ, приводить примѣры изъ исторіи борьбы Гарибальди, который своимъ единомышленникамъ въ то время могъ предложить только новыя раны, холодъ, голодъ и мученія. Обрисовавъ затѣмъ общую международно-политическую обстановку, князь подчеркнул намъ, что «всѣмъ тѣмъ русскимъ паріямъ, которыя находятся въ данный моментъ за-границей, будетъ грошъ шѣна, если не сохранится наша армія».

Прѣѣзтъ этотъ содѣйствовалъ укрѣпленію настроенія. 10-й кл. Долгоруковъ былъ правъ, когда, вернувшись въ Константинополь, въ свѣтъ докладѣ указывалъ, что психическое состояние арміи начало пріобрѣтать передѣлъ.

этой переломь привел ее к славным стра-
щимам Галлиполи.

Но уже 9-го янв. 1921-го г. поползли по лагерью слухи о том, что предстоят большие перемены, что ставили в связь с измение-
нием отношений к намь французь вь. Работы по проведению узкоколейки между лагеремь и городомь и оборудованіе и украшеніе лагеря приостановились. Такь повторятсь много разь...

Шель дождь и переставать, чтобы пойти снова. Глинистая почва в «толнй розь и смерти» превратилась в липкую, почти непролазную грязь.

Вь городь начали возр ждаться наши военныя училища; ихь было погомь 6; среди нихь артиллерійское, кавалерійское и инженерное. Программы были составлены шире, чьмь во время войны. Юнкера несли гарнизонную службу вь городь, чь отразилось на четкости общея дисциплины.

Вь день Святого Крешенія 19-го янв и. ст. былъ назначенъ парадъ и водосвятіе. Къ параду велась усиленная подготовка и приводилось вь порядокь обмундированіе. Вельствие прелившихся дождей парадъ этотъ могь состоятсь лишь 25-го января. Водосвятіе совершалъ греческій епископъ вмьстѣ со священнослужителями крpusа. На парадъ были приглашены французскія военныя и мѣстные власти, а также представители населенія. Изъ Константинополя прибыли корреспонденты газетъ. «Вь «Прессь-дю-Суарь» парадъ этотъ описывался вь восторженныхъ тонахъ. Вь дневникъ мой занесена отгуда фраза, относящаяся къ нашей пивизіи: «вотъ идутъ знаменитые Дроздовцы и все поле покрывается малиновыми фуражками».

Непечатлѣніе, которое хотѣли создать воинскія части, было дѣйствительно достигнуто.

2-го февраля началсь занятія, которыя согласно приказу должны были производиться регулярно и независимо отъ погоды во всѣхъ частяхъ корпуса. Кромѣ тактики, теорій и уставовъ ежечасно производились маршировки.

15-го февраля 21-го г. вь лагерѣ сост ялся памятный всьмь Галлиполійскій парадъ. Всю ночь и утро шель дождь, вь моментъ же прибывшій къ войскамъ генерала Врангеля, солнце освѣтило всю долину, что увеличило и безъ того торжественность его верьши. Катровые офицеры, прошедшіе много тьмь на фронтѣ, видѣвшие парскіе смотры и большіе парады мирнаго времени, говорили, что таже у нихь отъ переломленія чувствь сжималось горло.

20-го февр. неожиданно выналь снѣгъ, достигнувъ на сѣдующій день слоя вь 8 сант. Температура упала до 7 градусова; явленіе, котораго не помнятъ даже старожилы. Лагерь пошь снѣгъ напомнималъ краяшня дубочныя

картинки. Внутри-же палатокъ былъ весьма уютно: всѣ сидѣли вь шерстяныхъ, шинеляхъ и фуражкахъ, многіе бѣгали по проходу взадь и впередь вь надеждѣ согрѣтсь, никто не раздѣвался даже на ночь. Занятія прекратились, разговоры и слухи замолкли, вь некоторыхъ компанияхъ съ мрачнымъ видомъ пили.

23-го февраля прошель дождь, зимній ландшафтъ исчезъ; снова грязь, участились заболѣванія. На счастье сильный вѣтеръ подсушилъ почву, началась игра и состязанія между различными палатками вь городки.

24-го февраля стали расчищать площадки вь лагерѣ для футбольныхъ состязаній на переходящій кубокъ 1-го Армейскаго корпуса. Матчи эти привлекали много посѣтителей, на главныхъ изъ нихь играли оркестры, присутствовало начальство. Инструменты для оркестра дѣлались изъ подручнаго матеріала, нескончаемыя же сыгранки оркестровъ отравляли слухъ тѣмъ, кто имѣлъ несчастье помѣщаться вблизи палатки капельмейстера. Наиболее сильными командами располагали Корниловцы и Дроздовцы, они и вышли вь финалъ матча, который былъ разыгранъ 30-го марта при огромномъ числѣ посѣтителей и окончился вь пользу Корниловцевъ со счетомъ 2:0.

7-го марта вь городь была открыта Офицерская Артиллерійская Школа, курсъ которой должны были пройти сначала командиры и старшіе офицеры батарей, а затѣмъ и остальные.

23-го марта была объявлена вь достаточной мѣрѣ обширная программа для экзаменовъ, которымъ должны были подвергнуться офицеры, служившіе вь артиллерійскихъ частяхъ, но окончившіе пѣхотныя военныя училища, на предметъ формального перевода ихъ вь артиллерию. Руководства и пособия для подготовки къ экзаменамъ отсутствовали, но тѣмъ не менѣе 7-го мая они пришли относительно благополучно.

26-го марта началынкъ французскаго гарнизона Галлиполи полк. Томассенъ довелъ до свѣтлняги гибнаго корпуса, что съ 1-го апрѣля французы предполагаютъ прекратить довольствіе корпуса, вь связи съ чьмь предлагалось: или вернуться на родину (парохомъ почтамъ и желавшіе могуть сразу же грузитсь), или отправитсь вь Бразилію на кофейныя плантаціи (регистрація начата), или, наконецъ, разойтсь съ цѣлью подыскать себѣ средства для пропитанія. Для окончательна я ликвианціи Галлиполи назначалось 15 дней срока. Это распоряженіе стало извѣстно вь лагерѣ лишь 27-го марта. На этотъ день было назначено празднованіе: Константинъ виш артиллеристы собирались изъ всѣхъ частей лагеря и города вь день училищнаго праздника. На берегу ручья были спешеніе для этой цѣли поставлены палатки, участники еще наканунѣ снасли свои пайки.

Распоряжение полк. Томассена мало на кого произвело впечатление. Начиная съ 13-ти часов на эстраду пражлильк поперемьшю гремь-лов на оркестра музыка. «Нироваю» до 300 человекъ. Еще болынее чувство удьренности ввесли въ этотъ день Дроздова, пройди стройными рядами съ винтовками в гдлавь съ генераломъ Туркуломъ мимо штаба швиции съ пьлью показати, что они при всьхъ обстоятельствахъ на все готовы. Настроение въ лагерь повислось. Французскія воешия казарма обнесены проволокой, греки въ городъ «на всякой случай» свьшно закрывали магазины.

Прекратившияся было работы по оборудованию лагеря и по приведению узкоколейки черьезъ два дня возобовились, и назначенный на 30-ое марта финальней футбольный матчъ не былъ отьмененъ.

3-го апрьля начался шахматный турнир между игроками корпуса. Как тоски, такъ и фигуры были собственноручнаго производства.

10-го апрьля до Галлиполи дошелъ приказъ генерала Врангеля, на основании котораго время галлиполйскаго сидьня засчитывалось намъ на воешию службъ, какъ пребывание на фронтъ. Нькоторые неправильно истолковали этотъ приказъ и въ смыслъ далььйшаго производства въ чинахъ. Въ связи съ этимъ въ городъ и въ лагеряхъ стала ходить по рукамъ, хорошо исполненная каррикатура «Смотръ въ Галлиполи въ 1951-омъ году». На ней былъ изображенъ генералъ Врангель съ большой сьдой бородой, который, опираясь на палочку, обходилъ фронтъ въ сопровожененн престаьрльхъ генерала Кутепова и генерала Витковского. Во фронтъ свьшли одинъ лишь генералы, а въ отдаленнн единственный, не произведенный въ этотъ чинъ, полковникъ варилъ въ походной кухнй кашу на всьхъ.

По мьрь того, какъ становилось тьдье, жизнь въ лагерь оживала все болъе. Созданы были въ походныхъ церкви, иконостасы, панакитила изъ подручнаго матеряла и жестн консервныхъ банокъ, иконы стариннаго письма. Образовались хоры — духовные и свьтскяе. Кромь воешиныхъ училищъ въ городъ открылись военно-административные курсы, гимнастическо-фехтовальная школа. Начались занятия въ русской галлиполйской гимназии, дьтей стали принимать во вновь открытые дьтскяе сады. Образовались литературные, художественные кружки, работавши по отдьльнымъ студиямъ. Уразвилась стараго Акрополя примьстился корпусной театр подъ вьковыми пивиями. Артисты были одновременно и декораторами, и рабочими на сценъ, и администраторами. Открылись различная мастерскяа, гарнизонная лавочки, подковная собораня съ буфетами и т. д.

17-го мая состоялось засьдлане въ связи съ открытемъ въ Галлиполи съ помощью Всерос-

сьйскаго Земскаго Съезда высшихъ курсовъ, какъ въ городъ, такъ и въ лагерь. В качестве преподавателей были привлечены офицеры съ высшимъ образованиемъ и доценты университетъ въ. Въ лагерьномъ отьделении высшихъ курсовъ читались лекции: по высшей математикь, геологий, естествознанию, воешию истории, отьдьямъ русской истории въ объемъ университетскихъ курсовъ, государственному праву, истории и вьйшей русской литературы и спорадически на рядъ иныхъ темъ; велись, кромь того, и практичекяа занятия по высшей математикь (рьшение задачъ). Программа высшихъ курсовъ въ городъ была ньсколько шире, чьмъ въ лагерь. Въ качестве слушателей собирались офицеры и вольнопрьключающиеся съмыхъ разньхъ бранныхъ частей съ далекихъ палатокъ разбросаннаго на ньсколько километровъ лагеря; многие занимались регулярно и систематически.

16-го июля состоялось открытие и освященне Галлиполйскаго памятника въ городъ.

Швейцария.

Капитанъ Г. Орловъ.

Лиц, желающихъ приобрести памятку «Галлиполи 1920-1950 г.г.», просять обращаться по адресу:
M-r Bobichenok, 29 rue du Colisée, Paris.

Галлиполйскй крестъ не символъ траура, а знакъ призыва къ неустанной борьбъ за освобождение и счастье Родины.

Когда кто нибудь говоритъ про другого — «онъ тоже галлиполецъ», то онъ тьмъ самымъ признаетъ его за ближайшаго друга, за вьрнаго товарища, за стойкаго единомышленника.

Смысль Галлиполи

Мой покойный другъ, незабвенный В. X. Даватий, вторую часть своей книги «На Москву» назвалъ — «Итургия вьрныхъ».

Въ ней, въ формъ дневника, онъ заноситъ впечатльняа трагическаго отьхода Бьлой Армии отъ Орла до Новороссьйска. После блестящихъ побьдъ, приходилось испытати всю горечь поражения... Отсьивались всь др гнушнне и оставались только вьрные до конца...

Несповьдими пути Господни!.. После Новороссьйска была Крымскяа периодъ борьбы. Затьмъ Бьлая Армия ушла въ изгнание. Первымъ ея этапомъ было Галлиполи, которое, по существу, явилось первой на чужбинъ «Итургией вьрныхъ» своей идеей. И здьсь шло отьбьвание дрогнувшихъ и сомньвающихся. Оставались только ть, кто меньше всего интересовался партйной программой, кто не презрьшалъ

ни республики, ни монархии, — кто ощущал бы смысл нашего блага движения в борьбе не за форму будущего правления, а — за душу народа...

Всё годы познания были длинной цепью испытаний, — кь отбыванию прогнанных присоединилось и предательство и ми го другое... Но мы все таки живи!

Много наших бѣлыхъ вождей, идеологовъ и соратниковъ ушло въ иной мѣръ. Благоговѣй-

и обнажаю голову, вспоминая ихъ имена.

Прѣтѣли наши ряды. Но и черезъ 30 лѣтъ смыслъ Галлиполи остается нетлѣннымъ: непримиримость и вѣрность.

Всѣмъ галлиполицамъ, куда бы ни занесла ихъ судьба, кь нашему 30-лѣтнему юбилею шлю галлиполиѣйскій братскій привѣтъ.

Нью-Йоркъ.

Капитанъ Н. Рыбинскій.

Галлиполиѣйскій парадъ

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ ГАЛЛИПОЛІЙЦА)

Сейчасъ, въ тридцатую годовщину высадки въ Галлиполи остаткѣ въ арміи юга Россіи, наши мысленные взоры обращаются кь той части этого пустынного и дикаго полуострова, гдѣ на «Годомъ постѣ» чины легендарнаго теперь 1-го корпуса, подъ «жѣлѣзной» рукой Кутельвани, люблестнаго и волевого командира корпуса, генерала-солдата А. П. Кутепова, прошли суровую школу жизни, вернули вѣру въ свое святое дѣло и затѣмъ «выплыли» на просторы мѣра, сохранивъ ту спайку, которой славятся галлиполиѣи. Слово «галлиполиѣецъ» стало синонимомъ вѣрности русской національной идеѣ, вѣрности той идеѣ, за которую сложили свои головы на просторахъ юга Россіи десятки тысячъ вѣрныхъ сыновъ Родины въ неравной борьбѣ съ темной силой рождавшагося мірового коммунизма.

Съ лагеремъ Галлиполи тѣсно связанъ образъ хранителя арміи, незабвеннаго Главнокомандующаго генерала П. Н. Врангеля.

Отъ рванной отъ арміи, ген. Врангеля была душою всегда съ ней, и чины корпуса ежеминутно ощущали его дѣятельность въ далекомъ отъ нихъ Константинополѣ. Зато какими праздниками бывали для чиновъ корпуса рѣдкіе приѣзды Главнокомандующаго! Восторгу чиновъ корпуса при видѣ своего обожаемаго Главнокомандующаго не было предела...

Нѣтъ туманнаго прошлаго вспоминается парадъ, — собсно вѣрзавишій въ память.

Уже наканунѣ части корпуса узнали о прибытіи въ Галлиполи генерала Врангеля. Началась свѣшная подготовка къ параду. Испрепаніе еще въ бѣгахъ въ Россіи обмундированіе численно, особенно тщательно, какъ къ большому празднику. Всѣ несольно ждали, что приѣтъ Главнокомандующаго связанъ съ какими-то перемѣнамъ въ обыденной лагерной жизни.

Наконецъ, настало утро свѣрое, туманное, такъ не гармонирующее съ праздничнымъ настроеніемъ. Несколькю разъ начиналъ накрапывать дождь, и всѣ поспатривали съ тревогой на небо, опасаясь, что парадъ будѣтъ отмененъ.

Но все шло положеннымъ порядкомъ. Началось построеніе частей по своимъ лагерямъ. Вотъ, наконецъ, настала часъ общаго построения на большъ полѣ, между лагеремъ и рѣчкой, и части потянулись съ пѣснями кь назначеннымъ имъ мѣстамъ. Командиры частей долго выравнивали части, чтобы добиться идеальнаго построения, и давали послѣднія указанія командирамъ подраздѣленій.

Все, казалось, было готово къ встрѣчѣ Главнокомандующаго. Только погода по-прежнему не прояснялась: низкія облака нависли надъ полемъ въ долині между горами.

Прибѣтъ командиръ корпуса генералъ Кутеповъ, обошелъ части и, повидимому, остался доволенъ видомъ и бодрымъ настроеніемъ корпуса. Наступило томительное ожиданіе...

Вдругъ тихій шопотъ пронесся по рядамъ: «Вѣтъ Главнокомандующаго, махальныме ползаетъ знакъ»...

На трогѣ, идущей со стороны предива, показалась вереница автомобилей. Приблизившись кь правому флангу выстроившихся частей, машины остановились, и изъ передней вышѣлъ генералъ Врангель. За нимъ последовали гости: французскіе и греческіе офицеры, турецкій мулла и иностранные журналисты. Но чины корпуса видѣли только своего Главнокомандующаго, на голову возвышавшагося надъ остальными...

Солнце, котораго не видѣли уже въ теченіе нѣсколькю дней, вдругъ прорѣзало тучи и освѣтило своими лучами фигуру генерала Врангеля и все поле, покрытое правильными квадратами выстроившихся частей к ривуса... Наступила мертвая тишина. Раздалась команда «смирно!».

и все застыло... Командир корпуса потопешь съ рапортомъ къ Главнокомандующему... Оркестръ грянулъ, встрѣнный маршъ...

Главнокомандующій въ сопровожденіи свиты началъ обходить фронтъ.

Стройная, высокая фигура съ тонкой галіей (къ которой такъ шла черескада любимый нарядъ генерала Врангеля), горная посадка головы, широкій, легкій шагъ... все обличало въ немъ цѣлность натуры человека, призывающаго и привыкшаго поведывать. Онъ былъ олицетвореніемъ вождя въ самомъ идеальномъ его созданіи...

Громкимъ голосомъ Главнокомандующій зловрался съ частями, и не успѣвалъ замолкнуть громомъ и отвѣтъ на привѣтствіе, какъ мощное «ура» оглашало воздухъ. И это «ура» все болѣе ширилось и нарастало по мѣрѣ движенія Главнокомандующаго. Казалось, каждый этимъ крикомъ, крикомъ до хрипоты, хотѣлъ выразить то чувствено обожаніе, которымъ было наполнено сердце. Приблизивше съ Главкомандующимъ гости съ удивленіемъ смотрѣли на невданную ими картину...

Приподнятое настроеніе чиновъ корпуса невольно передавалось Главкомандующему, и, закончивъ обходъ частей, онъ бодрымъ шагомъ вышелъ на середину поля и обратился къ чиновамъ корпуса со словомъ привѣтствія...

Вновь наступила мертвая тишина. Каждый съ напряженнымъ вниманіемъ доводилъ слова

генерала. Четкій голосъ Главнокомандующаго ясно тоновалъ въ шельныхъ рядахъ встрѣнныхъ на громадномъ полѣ частей.

Генералъ Врангель ничего не общалъ, но каждый чувствовалъ, что все возможное и даже невозможное будетъ сдѣлано, и невольно выине пожимались головы и спокойствіе, и бодрость, какъ лился сердца.

Вотъ онъ закончилъ свое слово, и вновь громовое «ура» огласило долину. Окруженный начальствующими лицами и гостями, онъ вышелъ на край долины и приготовился къ церемониальному маршу...

Прохоженіе церемониальнымъ маршемъ прошло для чиновъ корпуса, какъ въ туманѣ. Последній разъ медлитель образъ любимого вождя, и части начали расходиться по своимъ лагерямъ.

Многъ дѣтъ протекло съ тѣхъ поръ. Чины корпуса — галлиполійцы разсѣлялись по разнымъ странамъ свѣта, многие уже ушли туда, откуда нѣтъ возврата. Отъ руки большевиковъ безвременно погибли Главнокомандующій, ими же похищенъ генералъ Кутеповъ. Юности превратились въ старцевъ съ седыми головами. Но незабываемая картина пріема корпусомъ своего Главнокомандующаго, какъ живая, стоитъ передъ глазами...

Капитанъ А. Осиповъ

Калифорнія.

Съ честью павшіе въ Испаніи

Но не вздохами печали
Плмать хрлбрыхъ мы почтимо,
А въ недлннныя скрижали
Имена ихъ начерпимо.

Эта пѣсня Константиновскаго артиллерійскаго училища какъ нельзя больше отвѣчаетъ статьѣ въ память нашихъ павшихъ друзей, соратниковъ и галлиполійцевъ: генералъ-майора Анатолия Владиміровича Фока и Марклевскаго арт. дивизиона штабсъ-капитана Якова Тимофѣевича Полухина. Оба они — воспитанники Константиновскаго арт. училища съ разницей по производству въ 17 лѣтъ. А. В. Фокъ кончилъ его въ 1900 г., а Я. Т. Полухинъ въ 1917 году, но безъ какой либо разницы по молодости воинскаго духа и по идеямъ.

Галлиполійцы прекрасно помнятъ генерала Фока, артиллеристы по его должности командира бригады, всѣ другіе, какъ несравненный руководитель Гимнастической школы въ Галлиполи, изумившаго всѣхъ ея достижениями за самый короткій срокъ. Всѣ помнятъ «вѣчную юность» генерала, его работоспособность, его организаторскія способности. Онъ былъ дол-

гое время «старшимъ галлиполійцемъ» во Франціи, всегда бодрымъ, энергичнымъ, хлопотливымъ и отзывчивымъ на любое живое зѣло: благодаря его настойчивымъ были открыты и долгое время функционировали офицерскіе курсы въ Парижѣ и были выпущены цѣлнншія въ то время руководства, знакомившія русское офицерство съ Красной арміей, совѣтской экономикой, политической системой и т. д. Немногимъ известно, что ген. Фокъ былъ далеко не чуждъ и жертвенной работѣ, ведшейся въ свое время въ Россіи незабвеннымъ генераломъ А. Ш. Кутеповымъ. Если добавить къ этому нѣкоторые штрихи изъ прошлаго генерала Фока — блестящее командованіе батареями въ Кавказской Гренадерской арт. бригадѣ, орденъ Св. Георгія, вступленіе рядовымъ въ Дроздовскую конно-горную батарею, потомъ доблестное командованіе Дроздовской арт. бригадой, командованіе артиллеріей Перекопа, — то передъ нами вырисуетъ подлинный типъ вѣрна-

го своему толгу скромного, боевого русского офицера, не искавшаго почестей.

Таким же был его молодой соратник Я. Т. Подухинь, вступивший в конце 1916 г. добровольцем в 73 арт. бригаду, кончивший в 1917 г. Константиновское арт. уч. и с 1918 года стоявший в рядах Марковского арт. дивизиона.

В числе первого десятка русских офицеров (с 5 галлиполины) генерал Фокь и кап. Подухинь отправились в Испанию для борьбы против красных, ибо в тот момент для каждого честного человека было ясно, что поражение генерала Франко знаменовало бы собой победу большевизма в Западной Европе. Перейдя «зеленую границу», они были задержаны испанскими патрулями и приведены в районную комендатуру, где уже знали томя, что некоторое число «руссо бланко» собирается вступить в испанскую национальную армию. Если вопрос капитана Подухина рѣшался довольно просто, то против приема генерала Фока испанский комендант заявил категорический протест, указывая на его чин и возраст (57 лѣтъ). Генерал Фокь отвѣтил: «на счет чина не волнуйтесь, я в 1918 году в чинѣ полковника уже был рядовымъ, а насчетъ возраста — судите сами», и тутъ же переть изумленнымъ и восхищеннымъ испанцами продолжалъ нѣсколько акробатическихъ вѣмеровъ и показалъ гимнастику съ винтовкой. После этого комендантъ подписалъ его опредѣленіе въ строй. Оба были зачислены въ терcio (батальиъ) рекете Зумалокареги и вскорѣ за отличіе въ бояхъ на подступахъ къ Бильбао произведены оба въ подпоручики и вскорѣ переведены на Арагонскій фронтъ въ терcio Дона Марія де Молина.

Въ концѣ августа 1937 г. 2-я рота терcio была брошена въ районъ Кинто противъ красной интернациональной бригады, прорвавшейся въ направленіи Сарагоссы. Ей былъ данъ приказъ задержать красныхъ до подхода подкрѣпленій. Капитанъ Подухинь командовалъ 3-мъ взводомъ; генералъ Фокь, причисленный къ штабу терcio, самъ вызвался идти съ ротой добровольцемъ. Въ теченіе двухъ дней роля мужественно сопротивлялась окружившимъ ее краснымъ; болѣе половины ея погибло, небольшая часть была захвачена ранеными въ плѣнъ. Генералъ Фокь, капитанъ Подухинь и испанскій «бригала» (фельдфебель), имя котораго то насъ не дошло, перенесли въ небольшую каменную часовню деревушки нѣсколько раненныхъ и, укрывшись въ часовнѣ, открыли огонь по краснымъ.

Орѣзанные отъ всего міра, они держались въ часовнѣ 12 дней, пока часовня и всѣ находившіеся въ ней не были сметены подвезенной артиллеріей красныхъ. Это, — констатъ, былъ

маленькій Альказаръ! Маленькій по количеству людей, но не менѣе величавый по подвигу.

Думаю, что я былъ однимъ изъ послѣднихъ, пожавшихъ передъ испанской границей руку генералу Фоку и капитану Подухину. Ихъ построеніе, ихъ порывъ напомнили мнѣ тогда времена первого добровольчества. Съ ними вмѣстѣ тогда уходили благополучно здравствующие сейчасъ въ Испанію: генералъ Н. В. Шинькаренко, тяжело раненный въ первые же дни, капитаны Кривошея, Бѣлинъ, Юреннискій, Голбанъ, Артоховъ и Яремчукъ, — галлиполины, совершившіе вмѣстѣ съ ихъ павшими соратниками второй «Походъ».

Судьба улыбалась испанскимъ бѣлымъ: они побѣдили. Она была жестока съ нами: у насъ только воспоминанія о минувшей доблести и... безчисленныя, безвѣстныя могилы, разбросанныя по всѣмъ странамъ свѣта. Мы даже не имѣемъ возможности узнать, что стало съ нашими мѣстами въ Галлиполи, гдѣ турецкое правительство, боясь, какъ огня, всего русскаго, снесло галлиполискій памятникъ и перенесло останки нашихъ братьевъ на старое армянское кладбище...

Кажется — Галлиполи умерло и имѣть никакихъ вишнихъ признаковъ того, что было въ 1920-1922 г.г. знакомъ русской славы и оправданіемъ нашего существованія... Но это только кажется!

Покуда мы живы, покуда осталось хоть нѣсколько галлиполинцевъ, идея Галлиполи не умереть. Она будетъ сохранена нами, какъ страница доблести отступившей, но духомъ не побѣжденной Русской арміи, она сохранится въ названіи груды нашихъ поколѣній, чтобы они знали, что Родину можно сохранить и въ изгнаніи, а въ побѣду можно вѣрять и въ самыхъ тягчайшихъ условіяхъ существованія.

Галлиполины это доказали и въ подвигахъ кутеповской борьбы въ Россіи, и въ испанской войнѣ, и въ тягчайшихъ условіяхъ борьбы въ рядахъ Русскаго Корпуса въ Югославіи. Вѣрность своей идѣи они доказываютъ, принимая участіе въ сохраненіи своихъ организаций, въ разнообразной работѣ въ русскихъ национальныхъ организацияхъ, въ русской антибольшевистской печати, словомъ, въ самомъ широкомъ участіи въ россійскѣмъ национальномъ освободительномъ движеніи, которое, несмотря на всѣ трудности, растеги и привлекаетъ къ себѣ всѣ здоровые элементы россійской эмиграціи.

И, склоняясь молитвенно передъ могилами нашихъ павшихъ братьевъ, мы останемся вѣрны клятвѣ, даннѣй нами при вступленіи въ Добровольческую армію и подтвержденной въ Галлиполи: «Все для Родины».

Брюссель.

Капитанъ Орѣховъ.

Последнему командиру полка

(ПАМЯТИ ген. М. М. ЗИНКЕВИЧА)

23-го февраля 1945 года отъ рано, подученных въ бою съ коммунистическими партизанами въ Сербїи, скончался командиръ Алексѣевского пѣх. полка генералъ-майоръ Михаилъ Михайловичъ Зинкевичъ.

Покойный по окончанїи Кіевского кадетскаго корпуса и Михайловскаго арт. училища былъ вынужденъ въ артиллерию. Окончивъ затѣмъ Николаевскую академію генеральнаго Штаба, онъ занималъ рядъ штабныхъ должностей. Въ Великую войну 1914-1818 г.г. былъ награжденъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-ой степени. Революція застала его на кавказскомъ фронтѣ. Во время гражданской войны онъ былъ представителемъ главнаго командованія въ Тифлисѣ и прибылъ въ Крымъ за нѣсколько дней до эвакуаціи войскъ. Покинувъ вмѣстѣ съ арміей ген. Врангеля послѣдній клочекъ родной земли и не получивъ въ Константинополь никакого назначенія, онъ просилъ разрѣшенія главнокомандующаго отправиться въ Галлиполи рядовымъ, что ему и было разрѣшено. Способный офицеръ генеральнаго штаба онъ въ Галлиполи вскорѣ получилъ должность инспектора классовъ Николаевскаго кад. училища, а затѣмъ, послѣ отрѣшенія отъ должности ген. Гравинскаго, вѣдѣвшаго въ Болгарію перешедшаго на сторону большевиковъ, былъ назначенъ командиромъ Алексѣевского пѣх. полка.

Вскорѣ послѣ приѣма полка Михаилъ Михайловичъ заслужилъ любовь всѣхъ чинѣвъ полка. Благодарительный, обладающій приятнымъ и обходительнымъ характеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно строгій по службѣ, онъ сумѣлъ завоевать у подчиненныхъ безусловное уваженіе, которое и сохранилъ вплоть до своей смерти.

Непримиримый идейный врагъ большевиковъ, онъ не прекратилъ своей работы и послѣ перехода арміи на новое положеніе. Будучи назначенъ предсѣдателемъ Общества Галлиполийцевъ, онъ въ теченіе ряда лѣтъ до 1939-го года издавалъ и редактировалъ Вѣстникъ Галлиполийцевъ, отдавая этому любимому имъ дѣлу свободное отъ работы для добыванія хлѣба насущнаго время.

Когда въ Сербїи былъ образованъ Русскій Охранный Корпусъ для борьбы съ большевиками (какъ тогда многіе вѣрили), Михаилъ Михайловичъ, не задумываясь, вступилъ въ него, не поколебавшись оставить безъ всякихъ средствъ свою семью въ Болгаріи. Много пришлось ему перенести разочарованій и горя во

время службы въ корпусѣ. Безсмысленная и дикая политика пѣвнели, привлекшая ихъ въ конечномъ счетѣ къ гибели, дала себѣ знать и въ отношеніи къ корпусу. Но, разъ вступивъ въ него, генералъ Зинкевичъ не захотѣлъ его покинуть, считая, что борьба съ коммунистами даже на чужь и землѣ должна способствовать освобожденію въ будущемъ Россіи отъ краснаго ша.

Назначенный командиромъ юнкерскаго баталіона, онъ всѣ свои силы отдавалъ заботамъ о моральномъ и воинскомъ воспитаніи русскаго юношества, вступившаго въ ряды корпуса. Но событія развивались быстро. Война пѣвнами была проиграна. Части Охраннаго Корпуса съ боями пробивались на западъ. Вотъ какъ записываетъ послѣдніе дни Михаила Михайловича одинъ изъ очевидцевъ, офицеръ 2-ой роты 5-го полка, въ которомъ тотъ командовалъ баталіономъ: — «Генералъ Зинкевичъ, несмотря на свѣй уже несмолодой возрастъ, во всѣхъ отношеніяхъ былъ на своемъ мѣстѣ. Во время боевъ, по традиціи первыхъ добровольцевъ, онъ всегда шель не пригибався — во весь свой высокій ростъ. Раненъ онъ былъ осколками снаряда, разорвавшимся между нимъ и командиромъ 2-ой роты Марковскаго пѣх. полка подполковникомъ Чибирювымъ. Генералу перебило голени обѣихъ ногъ; кромѣ того онъ получилъ много мелкихъ раненій.

Когда его переносили на носилкахъ изъ штаба баталіона въ лазаретъ, онъ держалъ руки закинутыми за голову. По дорогѣ къ раненому подходили всѣ, кто могъ, изъ 2-ой роты. Увидавъ меня, онъ спросилъ: «Сережа, это 2-ая рота?» Я отвѣтилъ утвердительно. — «До свиданія, желаю боевого счастья; поправлюсь — вернусь опять». Миѣ, да и намъ всѣмъ, не пришлось болѣе увидѣть нашего блестящаго командира баталіона. Ген. Зинкевичъ скончался отъ ранъ въ девять часовъ утра 23-го февраля 1945 года. Подполковникъ Чибирювъ умеръ на слѣдующій день.

Такъ ушелъ изъ жизни послѣдній командиръ Алексѣевского полка, оставшій до конца вѣрнымъ своему пониманію долга.

Всѣ Галлиполийцы и чины Алексѣевского полка сохраняютъ о немъ память, какъ о стойкомъ бѣломъ берѣшѣ, смертью своей запечатлѣвшемъ вѣрность своимъ идеаламъ. Царство ему Небесное.

Подполковникъ С. Мацылевъ.

Парижъ.

ГАЛЛИПОЛИ

Ноябрь, 1920 года — это месяц в истории антибольшевистской борьбы чрезвычайно важный, значение которого, быть может, еще не осознано вполне нами самими: в эти месяцы решились и определились многие талантлившие пути русского Зарубежья. «Россия на кораблях» могла высадиться на «разных берегах». Как расплавленная и еще жидкая лава, стекая и застывая, принимая очертания тех форм, которые она встречает на своем пути, так и Блвая Армия, еще горячая и расплавленная, могла, застывая, затвердеть и отлиться в разные формы, в зависимости от того, куда и как она будет влита. Но уже не бездушная природа, не случайная очертания исторических скалов, а напряженная патристическая воля спасшего Армию Главнокомандующего тала ей эту форму. Его воля и крепкая руки исполнителя и «главного мастера» генерала Кутепова тдали ее не в бжеженскую, а в армейскую форму (в том мьсте, которое после этого стало известно не только как мьсто неудачи «союзничества», но и огромного успеха русских мьсто, которое с тех пор, уже как нарицательное, стало известно каждому русскому за рубежом).

Горячая русская лава вылилась не на распутных базарах Константинопля, а на пустыннои полуостровь Галлиполи, и затвердела там в желваких формах русской Армии за рубежом... Никто изь участвовава Галлиполи никогда не утверждал, что все, что там произошло, было совершенством и не имьло недостатков.

Сь достоинством, искренностью и правдивостью обь этих недостатках и о том, как постепенно продолжалось все ограниченное, как жарким южным льтомь 1921 года вь Галлиполи выгорьло и вывьтрилось все, что было отрицательного и тогда неизбежного вь гражданской войне, — рассказывает, повьствуя обь инспекторскомь смьрти генерала Экака, коллективный трудь самих участников галлиполйского сьтвния-подвига.

Тяжело было вь Галлиполи поджение офицеров, несшихь обязанности солдатов (и не вь обстановкь боя), тяжело была суровая дисциплина, тяжело были для многих и непонятны, после всего пережитого, строевыя занятия. Но если бы не было всего этого, можеть быть, и не было бы техь удивительных результатов, самого безпристрастнейшего аттестата, который выдала 1-му Корпусу интернациональное (турки, греки, армяне, евреи) Галлиполи при его отьзде.

Корпусь состоять изь голдныхь, измученныхь людей, никому, однако, не чинившихь обь вац, но заявлятью официального предста-

вителя города, несравнимымь сь армиями техь многихь народь вь, которые перебивали тамь недавно, во время великой войны. И, не говоря уже о том, что галлиполйскому опыту быль вь то время реальь противопоставлен его иностранными и русскими врагами только двойной и равно «убьдительный» опыт: на западь — рабство вь Бразилии, а на востокь — истребление вь Новороссийскь, — если сравнить сь состояние людей вь другихь лагеряхь, где были интернированы русские офицеры и солдаты (Польша, Финляндия), где не было престолупныхь строевыхь занятий, если сравнить ть, какь ужасно опускались тамь люди, по неделямь не выходящие изь барака, не удивившиеся, отьблевающие, подавленные неудачей, то будеть ясно, что всеь недостатки Галлиполи старейшо окупались его достижениями.

Дьло, которое сдлать генераль Кутеповь вь Галлиполи, очень велико и многостороннее. Оно касалось и людей (которые пошань туда, пьвзривь Главнокомандующему и ему, и оставались тамь после разрешения уйти отсюда), и идеи (которой эти люди служили)...

Что же было такй идейной духовной осью, стержнемь Галлиполи? Часто вь Галлиполи кружилась голова оть голода, но она «кружилась» не только оть этого. Она «кружилась» и сейчась «оть радостного сознания, что вь одинь изь самыхь страшныхь моментовь нашей бьлой жизни, вь моменть, казалась бы, предельного провала, на пустынной и суровой земль, вь далекой чужбинь — твердо, вьрно и спокойно вздуть вновь завьзли наши старья военныя знамена, не «лоскутики», не «тряпки», не «генеральская забава», а овеществленная, материализованная честь России. И ведьь существовавшее или покликнее, тамь взвилось и заколдовалось наше общее грехивное знамя.

В «Голомь Идь» день и ночь, безпрерывной смьной молчаливыхь русскихь часовыхь совершалась «Лигургия Великой России». И это и было идейнымь стержнемь Галлиполи, его ядрь мь, а вмьсть сь темь и зарядомь Галлиполи и какь события, и какь занятия, Галлиполи, Демоса, Чагалджи, Бизерты всехь «Галлиполи»... И пафось понесшихь туда и тамь оставшихь быль все тоть же бьлой пафось долга и радости добровольного («добровольческого») служения.

Галлиполйское сьтвние продоллось болкь года. Оно завершило собой трехлетьий периодь борьбы и оно послужило фундаментомь для будущего. Это быль и достойный прошлого эпизодь, и вьрное итеь этого прошлого прелестное, наступление кь новому периоду борьбы.

Мюнхень.

Н. Цурковь.

